

Д. НАГАЕВ

ДАЛЕКИЕ БУДНИ

ДА, НЕСМОТРЯ на горячие споры вокруг научной фантастики, несмотря на то, что с каждым днем она все больше завоевывает себе права гражданства, одно остается неизменным: есть «писатели вообще» и есть «фантасты»... Но человек, живущий настоящим, вспоминает прошлое и думает о будущем; — уж так он, человек, устроен. То же и в литературе: будущее не может не быть предметом ее изображения, особенно в наши дни. Как не попытаться раздвинуть мысленно завесу времени, заглянуть в наш завтрашний день, в завтрашний день планеты, челове-

чества, науки, людских отношений и самое главное — попытаться показать человека в его развитии...

И лучшие из «фантастов», писатели большого и ищущего таланта — такие, как И. Ефремов, С. Лем, А. и Б. Стругацкие, — все больше и больше становятся властителями дум нашего современника. Можно назвать немало имен советских прозаиков, которые рано или поздно отдавали дань жанру научной фантастики. Начатый роман о будущем остался в рабочем столе Е. Петрова. Научно-фантастическую повесть написал в свое время А. Платонов. А в наши дни это и А. Глебов, и В. Сафонов, и Г. Гор, и ряд других.

И вот — повесть Владимира Тендрякова «Путешествие длинное в век». Нет смысла пере-

сказывать ее содержание: ведь главное в этой повести — не те или иные конкретные события, происходящие на Земле будущего. Хочется только остановиться на одном «чисто научно-фантастическом», так сказать, моменте, положенном в основу сюжета.

Писатели-фантасты испробовали немало способов достижения далеких миров, но мысль В. Тендрякова о возможности кодирования человеческого мозга для передачи его по радио и последующего воссоздания в условиях иной планеты и цивилизации (и о преодолении, таким образом, пространства, недоступного одному человеку даже при релятивистских скоростях) — эта мысль не только достаточно интересна и оригинальна, но и не так уж фантастична, как это может вначале показаться. Во всяком случае, это тот прогноз, который уже сегодня базируется на вполне реальной основе...

Итак, в чем же смысл, направленность и пафос этого произведения о наших далеких потомках, о свободном и могу-

щественном коммунистическом обществе будущего?

Законы диалектики говорят о том, что развитие возможно только путем преодоления противоречий. Но какие же противоречия могут возникнуть тогда, когда живут герои В. Тендрякова, через сотни лет, в эпоху всемирной и окончательной победы коммунистических идеалов? Может быть, человек и природа?.. Нередко именно так отвечают на этот вопрос. Но только ли это?

И повесть В. Тендрякова откровенно полемична.

«Описывать будущее, как некий розовый рай, населенный блаженными, — значит, обманывать самих себя, — говорит писатель во вступлении к повести. — Наверняка среди грядущих поколений будут конфликты и противоречия, о которых сейчас мы лишь смутно можем догадываться... Будут противоречия, столкновения — значит, в среде людей неизбежно будут гордые победы и горькие поражения, свои радости и свои несчастья, удачники и

неудачники, рождения и смерти. В этом, наверное, и есть беспокойное счастье бытия».

Повесть Владимира Тендрякова многопланова и философски широка. В ней переплетаются проблемы и мысли, охватывающие различные стороны человеческого существования, Общее и частное; «вечные вопросы» и яркие — порой своей парадоксальностью — детали быта. Здесь и мучающая умирающего профессора Шаблина проблема бессмертия человеческого интеллекта, и «утилитаристы будущего», восстающие против непреложного закона жизни — вечного познания еще непознанного и призывающие «все силы бросить на устройство того насыщенного места, где ты живешь» (понимаю, правда, под этим местом уже солнечную систему...). Или, например, вспыхнувшая после установления связи с планетой Коллега в системе Лямбды Стрелы «коллегианская мода» с женскими прическами «стрела в облаках», бритвами «Коллега» и даже с песенкой «Коллегианочку любить хочу...»

(Мастера поделок не так-то легко истребимы!)

Один из основных мотивов произведения Тендрякова — мотив преемственности многих поколений борцов за лучшую жизнь и ответственности перед ними, ушедшими навсегда. Герои Тендрякова остро ощущают контраст между жизнью тех, далеких, и своей, из которой давно исчезли преждевременная гибель и страдания.

Об этом думает у изъеденного временем каменного обелиска Александр Бартевьев: «..почему-то без причины стало стыдно перед этими предками, закопанными в мерзлую землю. Стыдно за себя, не знающего, что такое голод и холод, что такое боль тела, развороченного грубым куском стали. Стыдно перед теми, о которых сказаны эти варварски гордые слова: «Пали смертью храбрых...»

Конечно, героям Тендрякова не нужно стыдиться себя, своей жизни. Они такие же борцы, какими были их прадеды. Но они живые люди, со свойствен-

ными всем людям сомнениями, ошибочными оценками и порой со стремлением идеализировать ушедшее. Они живут на страницах повести ярко, полнокровно, завоеывая нашу любовь и высокую человечностью, и невероятной смелостью своих дерзаний.

Да и все ли в прошлом достойно того, чтобы быть принятым потомками? Одна из сильнейших страниц повести та, где Шаблин приносит Гале чудом сохранившуюся вещь далекого прошлого — игрушечный пистолет. «Это детская игрушка. Когда-то очень простораненная...», — объясняет он, «И у Гали дрогнули губы. — Детская?.. — Да, для мальчишек. — Им разрешали играть в убийство?—В войну... Романтика, начиная с младенчества...» Повесть не претендует на законченную и развернутую картину общества, к которому неуклонно движется человечество, — такая претензия была бы смешна. Владимир Тендряков просто попытался «представить далекие будни, не больше». И сделал он это талантливо.